

[Оглавление](#)

Лидия Волконская Прощай, Россия! (Моя жизнь) Глава 4. Петроград - революция

Падал дождь и все казалось серым и унылым, когда я на извозчике подъезжала к большому дому на Таврической улице, где была квартира Нины. Тетя встретила меня радостно. Нина равнодушно, но гостеприимно. Квартира ее, состоявшая из ряда высоких, больших комнат, была обставлена с большим комфортом. Меня поместили в бывшем кабинете Нинино мужа.

Подавленная пережитыми горестями, связанными с бегством из Ромеек, волнуемая мыслями о предстоящей мне жизни в Петрограде и усталая после долгого, самостоятельного путешествия, я не придавала значения мрачной обстановке этого кабинета, хотя она сразу и невольно бросалась в глаза.

Пол этой комнаты был затянут серовато-черным бобриком. Книжный шкаф из черного дуба, занимавший почти целую стену, был покрыт резьбой, изображавшей сцены из Фауста. Стоячая лампа представляла собою фигуру сатаны почти в натуральный человеческий рост с факелом в вытянутой руке; а на письменном столе, осклабясь, зиял впадинами глаз человеческий череп. Еще более мрачности придавал этой обстановке диван, похожий на катафалк, покрытый черною, тканною золотой материей. Эту же материей были задрапированы дверь и окна.

Потом Нина мне рассказывала, что ее муж занимался черной магией. В чем заключалась ее суть, она не знала, но утверждала, что несколько раз видела собственными глазами, как из кабинета, где сидел замкнувшись ее муж, через коридор проходили в залу какие-то тени.

Нина жаловалась, что боялась его черной магии. Он же пугал ее в отместку за то оскорбительное отношение, которое встретил с ее стороны. Нина не скрывала своего к нему отвращения и третировала его хуже, чем любого лакея. Обращалась она с ним так потому, что он женился на ней, по ее мнению, не из любви, а по расчету. Прожив несколько месяцев вместе, но не как муж и жена, они разошлись, убедившись что их совместная жизнь ничего, кроме мучения, не принесет.

Когда сатану и череп из кабинета убрали, а покрывало и портьеры заменили, я вполне там освоилась и ничего страшного никогда не замечала. Скоро я попала в знакомую мне атмосферу легкой, беспечной жизни, которая почти ничем не отличалась от киевской. Заботы были те же: какой на завтра заказать обед, в какой мастерской сделать меховое пальто, шапочку, платье, куда пойти вечером - в театр ли, в кино или ресторан, или остаться дома и пригласить кого-либо к себе.

Круг знакомых у Нины был не особо большой. Несколько офицеров из гвардейских полков, один штатский молодой человек, по фамилии Коляпский, сказочно богатый, служивший где-то в земстве, что освобождало его, каким-то образом, от призыва в действующую армию. Некоторые из киевских молодых людей, поступая в Пажеский Корпус, Николаевское Кавалерийское Училище и в Правоведение, оказались тоже в Петрограде. Из дам чаще других заезжала Анна Николаевна, одна из самых богатых помещиц юга России, прозванная "ревой" за ее громкую речь; потом одна графиня, хорошенькая блондиночка со вздернутым носиком, и другие.

Во все годы моей молодости, я вела двойную жизнь: одну в родительском имении в деревне, другою зимою в городах. Обе жизни были разные, соответственно им менялась и я.

- Посмотри, на что ты похожа! Черная, волосы дыбом, глаза где-то блуждают, ни платья, ни шляпы, ничто не лежит и не сидит на тебе как надо, - говорила, недовольно тетя Нюня, каждый раз после моего возвращения из деревни.

Проходило некоторое время, пока я опять приобретала потерянный в Ромейках лоск. Я менялась и внешне и внутренне. Становилась более молчаливой, замкнутой, смеялась, когда надо было, а не когда хотелось, и не так искренно и весело, как в Ромейках.

В Петрограде я поступила в школу Поощрения Художеств и стала аккуратно посещать ее.

В феврале 1916-го года нашим Верховным Главнокомандованием было предпринято на Западном фронте большое наступление. Оно совпало с неожиданно и преждевременно наступившей весной. Оттепель началась в середине марта. Снег стал таять, реки разлились, превращая долины в болота и озера. Несмотря на эти затруднения, наступление продолжалось. Мокрые и голодные, солдаты боролись дальше. Потери были огромные и напрасные. Наступление закончилось полной неудачей.

Не только тетя Нюня и Нина, но и я мало беспокоилась о том, что там происходило, а ведь это было недалеко от Ромеек и на том фронте где был Володя.

Нина иногда устраивала вечера. На одном из них я, можно сказать, оскандалилась. Все общество в тот вечер расположилось в конце залы на позолоченных диванчиках и креслах, на одной половине полусвернутого ковра. Другая его половина, скатанная в трубу, подходила к самым креслам. Сделано это было для того, чтобы оставить свободное место, где должна была танцевать, приехавшая на вечер известная тогда балерина Садово. Она непринужденно, в живописной позе уместилась на трубе свернутого ковра. Я сидела на стуле рядом. С другой стороны от меня в углу диванчика, поместился невысокого роста, худощавый, но очень симпатичный и уже пожилой адмирал, занимавший один из самых видных постов России.

Разговор шел общий, о войне. Говорили о наших поражениях на фронте, причина

которых была, главным образом, от недостатка вооружения; так как солдаты на фронте отличались безграничною храбростью и терпением. Рассказывали отдельные случаи их геройских поступков. Потом заговорили об изменах, о немецких шпионах и агентах, проникших во все отрасли русской жизни и подрывающих основы нашего государства, о недостатках во всей стране продуктов питания и, потихоньку, о Распутине и о его огромном влиянии на царицу, и о бесконечной смене министров.

Затем молодой человек худой, высокий как жердь, бледный с устремленными в даль и как бы пьяными глазами, продекламировал несколько модных стихов с завыванием, растягивая слова. В одном из них говорилось о кровавой борьбе двух орлов - эмблем двух государств. Помню что кончалось оно словами:

"...А на земле в траве кровавой,
Лежал орел - орел двуглавый"...

Настроение от этого создалось невеселое. В это время к балерине подбежал "Франтик".
- Ах, какой же ты смешной и милый, посмотрите на него, - сказала она весело, чтобы отвлечь общее внимание, как я подумала, от печальных мыслей.

И тут мне пришло в голову, что надо поддержать ее тон и развеселить гостей.

- А какой он забавный, - подхватила я, - вчера в гостиной появилась кошка... - и я, стараясь быть остроумной, начала рассказывать, как Франтик подрался с кошкой. Все сразу же обернулись ко мне. Ободренная, я продолжала, но когда опять взглянула на моих слушателей, то остановилась на полуслове с раскрытым ртом: никто не слушал.

Балерина, отвернувшись, что-то говорила графине. Адмирал о чем-то спрашивал тетю, и все вдруг заговорили, найдя сразу же темы интереснее, очевидно, чем мой рассказ.

- Ну, ну интересно и кто же, Франтик или кошка?... - глядя на меня, и сдерживая с трудом смех, спросил поощрительно, Коляпский.

- Никто, - растерявшись, обиженно ответила я, не понимая всеобщего ко мне невнимания.

Самой главной частью вечера был ужин. В столовой во всю ее длину был поставлен дубовый стол, украшенный цветами, и уставленный так красиво декорированными закусками, что жалко было их разрушать. Вдоль приборов, густо обложенных серебром, тянулась, искрясь и ломаясь в гранях, линия хрустальных бокалов разной величины и формы.

За столом моим кавалером оказался Коляпский, хотя мы с тетей положили его билетик рядом с прибором графини. Он мне признался, что переменял его. Коляпский вообще позволял себе больше чем полагалось.

В течение ужина он все время незаметно подливал в мой бокал, так что он всегда был полон, а потом, жмурясь, говорил.

- Что это вы ничего не пьете? Надо поддерживать компанию, хоть немножко. Смотрите, ваш бокал не тронут.

Я, немножко робея перед ним, послушно отпивала и скоро заметила, что мне сделалось как-то весело, и я часто начала смеяться. Когда стали обносить горячие блюда, а потом водрузили на стол огромную осетрину, Коляпский, положив кусок ее мне на тарелку, уронил салфетку и стал отбрасывать ее ногой.

- Что это вы делаете? - заметила я ему наставительно.

- Ха! И откуда вы такая здесь взялись? Каждая девица в Петрограде отвернулась бы, делая вид, что не замечает моего "faux pas", - ответил он, весело смеясь, - расскажите-ка с каких это мест вы сюда прибыли?

Я начала рассказывать ему о Ромейках. Оказалось, что он раз даже проезжал мимо и знал некоторых помещиков в наших краях.

В середине разговора я почувствовала, как что-то под столом легко коснулось моей ноги. "Странно, Франтика же здесь нет..." - подумала я. Прикосновение повторилось сильнее, и я поняла, что мой кавалер нажимает своею ногою на мою.

Осторожно отодвигаясь, я незаметно искоса глянула на него.

Он, как ни в чем не бывало, не прерывая своего разговора, смотрел на меня. "Наверное по неосторожности", решила я. Но когда он продолжал все так же, я, не выдержав, сказала:

- Пожалуйста, оставьте. Вы мне на ногу наступаете. Не могу же я все время делать вид, что не замечаю ваших "faux pas".

- Ох, уморили! - сказал Коляпский, откидываясь с хохотом на спинку кресла, - давно я так не забавлялся, как сегодня с вами. Днем с огнем такой не сыщешь. Дайте вашу ручку поцеловать.

- Нельзя, я не дама, - сказала я, пряча под стол руки.

- Лида, что это у вас там так весело? - спросила меня серьезным тоном, тетя.

Впрочем, все вокруг уже были не менее веселы. Один только адмирал оставался серьезным. Заметив это, дамы сговорившись, подошли к нему с пением застольной песенки:

"Чарочка моя, серебряная,

На золотом блюде поставленная,...

и не кончали припева:

Пей до дна, пей до дна..."

до тех пор, пока адмирал не опорожнил поднесенную ему на золотой тарелочке чарку. После этого и он повеселел. И ничто больше не смущало всеобщего настроения. Гости разъехались далеко за полночь.

На другой день, я, против обыкновения, в школу не поехала, и мы все трое собрались в маленькой гостиной в нашем любимом уголку. Там, у стены, на возвышении в две ступеньки, стояла кушетка. На нее всегда забиралась тетя, а мы с Ниной располагались на, разостланной поверх ковра, большой шкуре белого медведя. Передние его лапы лежали на ступеньках, а голова еще выше на возвышении.

- Кажется, вчера всем было весело. Вечер наш вполне удался, - начала тетя.

- Да, скучно не было. Помогло, правда, шампанское, от него всегда настроение хорошее, а то перед ужином в заде было немножко натянуто, - сказала Нина.

- А ты, Лида, отличилась с твоим рассказом о Франтике. Это тебе здесь не Киев. В Петербурге слушают глупости только от знаменитостей, а мазюкалку натюрмортов никто слушать не будет. Вот если бы ты была известна в живописи, как вчера эта балерина, ну, тогда дело другое, а так лучше таких "бенефисов" не устраивай, - сказала тетя.

- А как это за столом около тебя оказался Коляпский, - спросила Нина недовольным тоном.

- Не знаю. Спрашивай его, - ответила я, обиженная.

- А за тобою, Нина, Анатоль вчера сильно "приударил", - прервала тетя.

- Он мне нравится, интересный, а все еще хромает немного, - сказала Нина.

Анатоль, офицер Литовского полка, был ранен на фронте и долгое время лечился в госпитале, помещавшемся в Царско-Сельском Дворце. Мы с Ниной часто ездили туда и привозили ему букеты красных роз. Он такие любил, именно красные. Во время одного

из наших визитов к нему, мы встретили там Государыню и Великих княжен Ольгу и Татьяну, навещавших раненых.

- А кто это тот молодой человек, что вчера декламировал? Я его потом за ужином не видела. Он такой бледный, как стена, - спросила я.

- Ах, этот? Мы его пригласили специально для декламации, после чего он сразу уехал. На ужин его оставить нельзя было, он неподходящий. А бледный потому, что наркоман и, кажется, педераст, - закончила Нина.

"Наркоман, педераст"... Что это такое? - подумала я, но не желая высказать своего невежества, решила дипломатично об этом узнать.

- Ты знаешь Нина, Павлик стал теперь очень бледным. Наверное тоже наркоман и... - я забыла второе слово.

Но Нина прервала меня:

- Что за глупости ты говоришь! Павлик? Он вполне здоровый и нормальный мальчик. Вот Ленечка и его брат, говорят, педерасты.

- А что ты под этими словами подразумеваешь? - небрежным тоном спросила я.

- То, что все подразумевают: наркоман это, кто употребляет наркотики, а педераст...

- Перестань Нина, - прервала ее тетя, - не порть Лиду. Ей совершенно нечего это знать. Я не знаю, почему ей нельзя. А ее вчерашний кавалер, Колапский, разве лучше? Всех наркоманов за пояс заткнет. Развратный, испорченный как черт. При прощании, жмурясь как кот на сало, сказал мне: "А ваша кузина прелестное дитя... И такая ласковая", - ты смотри, подальше от него. Он не таких как ты, сотни видывал. Ничего хорошего из этого не выйдет, - закончила Нина.

"Что там Нина не говори, а видно не такая уж и плохая, если он так говорит обо мне" - подумала я. Внимание оказанное Коляпским льстило моему самолюбию.

Уезжая на юг, он неожиданно заехал к нам проститься. Тети и Нины не было дома, я вышла к нему одна. Коляпский заглядывал мне нежно в глаза, жалел, что уезжает и выразил уверенность, что мы еще встретимся.

Вернувшись в тот памятный день со школы, я прошла зачем-то в маленькую гостиную. Сразу же за мною туда вошла тетя и подала мне письмо от папы.

В нем, стараясь быть по возможности спокойным, папа сообщал о гибели Володи в бою недалеко от Ромеек.

Еще буквы прыгали на дрожавшем в моих руках листе письма, как вошел приехавший на некоторое время в Петроград дядя Валера. С развернутой газетой в руках.

- Не плачь, не горюй, этим не поможешь, - сказал он, - Володя погиб смертью героя, он прославил свое имя и наш род на всю Россию. Вот возьми, прочтешь, - закончил он, указывая на статью в газете.

Я не заплакала, не закричала, а как истукан, взяла газету и, машинально поблагодарив,

ушла в свою комнату.

Сидя там и уставившись в одну точку, я думала; - нет не думала: - в уме, в душе была какая-то пустота, в которой я никак не могла разобраться и даже, как бы горя сильного не ощущала. "Неужели Володи нет?" напряженно соображала я, не понимая и как-то не веря этому, - "ведь он всегда, всегда был, я знаю, помню, люблю его, как же его может не быть?"... Я представила себе Володю, его мечтательные глаза, грустную улыбку, наши детские забавы...

"Нет, невозможно! Он где-то должен быть", продолжала я, не в силах осознать случившееся и начиная упрекать себя: " может быть привычка скрывать и подавлять свои чувства, так глубоко въелась в мое сердце, что оно совсем окаменело. Или я понимаю и чувствую только то, что вижу и слышу собственными глазами и ушами, а что далеко и давно ускользает, затуманенное пеленою пространства и времени?"

Позднее в жизни я узнала, что действительно, в первый момент я не сознаю всей глубины, постигающего меня горя и только постепенно в сознание вливается все возрастающая боль, которую я долго преодолеть не могу, а забыть никогда.

В обширной газетной статье, один из военных корреспондентов подробно описывал сражение и гибель в нем Володи. При этом он указал что сведения его запоздалые, так как он узнал об этой битве спустя долгое время и, что в сводках Штаба Главнокомандующего об этом сражении умолчали, упомянув только вскользь, как о незначительном эпизоде. На самом же деле в этой битве погибло несколько наших полков и погибло напрасно, благодаря ошибке и недомыслию Верховного Главнокомандования.

Еще больше подробностей об этом поражении и о самом Володе, мы узнали много времени спустя, но я к слову, расскажу как это все произошло, теперь.

Линия фронта между нашей армией и немецкой проходил в то время вдоль реки; только один плацдарм, занятый нашими войсками, среди которых находился и полк Володи, был расположен на другом немецком, берегу ее. Русское Главнокомандование настаивало на удержании этого плацдарма всеми силами. Зимой все было спокойно и благополучно. Но, наступившей рано весной, когда река разлилась на всю, занимаемую ею, широкую долину, войска наши на плацдарме оказались совершенно отрезанными от армии, от своих баз и лишены всякого снабжения.

Немцы воспользовались этим положением и, стянув артиллерию со всего ближайшего фронта, сконцентрировали огонь ее на плацдарме, превратив его в настоящий ад. Свинцовым градом секло людей, коней, землю, деревья. Взлетавшие от взрывов пыль, земля, дым заволкли свет дня. Стало темно как ночью. В этой черной мгле огнем вспыхивали только взрывы снарядов. Грохот, рев орудий, свист пуль, треск падающих деревьев, ржание коней, сливались со стонами и криками погибающих.

Когда все было кончено и на поле битвы, покрытым грудями трупов, замолкли последние выстрелы (здесь я дословно передаю окончание газетной статьи, навсегда оставшейся в моей памяти) "в одном месте все еще трещал пулемет - это штабс-капитан Рыбников, выхватив пулемет из рук убитых солдат, осыпал пулями приближавшихся к нему немцев до тех пор, пока, попавший туда снаряд, не засыпал его и пулемет землей".

"Несчастный Володя! Не дождался..." - думала я, когда позже в конце весны 1916 г. стали приходить донесения в сводках Штаба Главкомандующего о победах нашей армии на Юго-Западном Фронте.

Русская армия под командой генерала Брусилова в мае перешла в новое наступление для облегчения союзников под Верденом. 22-го, 23-го мая наши войска прорвали фронт. Укрепления противника состояли из двух-трех полос. Каждая полоса была оборудована двумя-тремя линиями окопов, железобетонными укреплениями и проволоочными заграждениями в несколько рядов. 25 мая был занят Луцк наш уездный город, а ко второму июня Русская армия продвинулась на 75 километров вглубь, но в результате недостатка боеприпасов и под давлением контратак противника, наступление должно было прекратиться.

Вскоре не только военные, но и политические события начали отражаться на нашей жизни. Внутри страны все больше и больше чувствовался недостаток продуктов. В деревнях начались беспорядки. На фабриках распространялись прокламации, требующие забастовок и мира. Началась уже и большевистская агитация. В кругах интеллигенции и буржуазии нарастало не только недовольство, но и революционные настроения, часто доходившие до кульминационного пункта. 29 декабря 1916 года был убит Распутин, но это не улучшило положения. Даже в Армии росло недовольство. Среди солдат появились прокламации с требованиями мира. Мораль и дисциплина падали. Забастовки на фабриках принимали хронический характер.

Тетя Нюня возмущалась рабочими:

- Это же измена, это как нож в спину, и кому! - своим же братьям солдатам.
- Анна Алексеевна (тетя Нюня), так дальше продолжаться не может. Страна изнемогает, гибнет. К чему эти ужасные жертвы. Они бесполезны. Нет хлеба, нет оружия, нет сил больше... это надо прекратить, переменить, все, все переменить, - старался убедить тетю, заехавший к нам (офицер Литовского полка), Анатолий.
- Как же это можно взять и переменить. Вот так сразу не переменить всего! Это невозможно, да еще в такое время.
- Возможно! - путем революции, - заявил вдруг Анатолий.
- Революции? Во время войны! Это же гибель!
- А может и спасение - через революцию можно дойти к победе, - заключил Анатолий, прощаясь.

- Слышали? И это говорит офицер гвардейского полка! - сердито воскликнула тетя, но в то же время с испуганным изумлением, посмотрела на нас с Ниной.

Забастовки и демонстрации рабочих сначала происходили на окраинах столицы, на Выборгской стороне, но потом стали распространяться в центральные улицы.

8-го марта огромные толпы направились на Невский Проспект. Полиция, стараясь их разогнать, начала стрелять в толпу. Было много убитых и раненых. Это вызвало возмущение среди рабочих и восстание.

Дня через два-три после этого, думая что все уже кончилось и успокоилось, я шла по Невскому и приближаясь к Аничковому мосту, заметила, что впереди было больше чем

обыкновенно публики. Не успела я подойти, как в воздухе, над моей головой, что-то свистнуло. Потом еще, и еще - "Неужели это пули - так слабо свистят" - подумала я. Публика исчезла. Я тоже бросилась в сторону и прижалась к углублению стены. Пули, как я уже в этом убедилась, продолжали свистеть, но вскоре стрельба прекратилась. Осторожно, из всех закоулков повысовывались люди. Через несколько минут все пришло в свой прежний вид: на тротуарах, занятые своими личными делами, опять торопливо шагали прохожие, не думая о просвистевших над их головами пуль...

"Кто это мог стрелять, и зачем?" - удивлялась я, торопясь поскорее домой.

На другой день тетя сказала, чтобы я в школу не ездила и чтобы Нина тоже оставалась дома. Мы, по своему обыкновению, грызя шоколадные конфеты, расположились в маленькой гостиной на шкуре белого медведя.

- Ну и дождались мы времен, - заметила тетя, - эти дурачье рабочие верят всему, что им вбивают в голову, эти сволочи агитаторы, всякие революционеры и другая дрянь вроде большевиков (тетя любила иногда крепко выразиться), своей головы не имеют.

Удивительно, что солдаты и те переходят на их сторону. Кошмар!

Проходя мимо, к нам заскочил на минуту правовед Х.....

- Забежал вас предупредить, - начал он, - не выходите сегодня, на улицах очень беспокойно. Если бы вы видели, что делается! Что делается! Я с трудом выбрался с площади у Таврического Дворца. Огромные толпы с криками, с красными флагами и плакатами, с пением Марсельезы движутся к Думе. Говорят будто Петропавловскую Крепость взяли! Солдаты присоединяются к революционерам! - торопливо бросал Х....., и убежал, оставив нас еще больше растерянным и напуганными.

Вскоре мы узнали, что полки Волынский, Литовский и Преображенский перешли на сторону революционеров. Это поразило нас несказанно. Государственная Дума отказалась исполнить приказ Государя, требующий ее роспуска, и 12-го марта приняла власть на себя.

"Вот уже четыре дня, как я не была в школе. А натюрморт, который мы теперь пишем, очень мне нравится; на фоне темно зеленой бархатной драпировки белая, из гипса голова Христа в терновом венце, освещенная зеленым огоньком горящей лампадки. Красота! Пойду сегодня в школу. Все люди ходят, трамваи тоже идут, магазины открыты, чего я буду сидеть?"

Так размышляя, я подошла к окну и, отдернув занавеску, посмотрела на улицу. По нашей Таврической улице, в направлении ко дворцу бежали люди, торопясь перегоняя друг друга с напряженно устремленными вперед глазами, будто что-то необыкновенное и страшное видели впереди. Накинув в передней на ходу пальто, я сбежала вниз.

Люди все так же бежали мимо. Ничего впереди не было видно, сзади тоже ничего: ни флагов, ни плакатов, ни выстрелов.

- Куда это все бегут? - спросила я первого попавшегося.

- Государь, Государь... и не окончив, он, задыхаясь, побежал дальше.

- Что такое случилось? - спросила я другого. В ответ этот только рукой махнул, указывая вперед.

Наконец, какая-то женщина мне ответила.

- Государь отрекся! Нет больше царя!

Охваченная непонятным мне чувством, я бросилась бежать вслед за другими.

По мере приближения ко Дворцу, толпа становилась все гуще и гуще и скоро стало трудно пробираться дальше. Дойдя до площади перед дворцом, я остановилась Все

стояли, упорно глядя на здание дворца, кого-то или чего-то ожидая. Около меня две маленькие сгорбленные старушки, всхлипывая, приговаривали:

- Царица Небесная, Мать Божия! Смилуйся над нами. Остались мы, как сироты горемычные, без царя, без отца нашего. Слыханное ли дело, без головы, без хозяина, да в такое-то время! А все революционеры, нехристи окаянные, душу дьяволу, немцу продали...

Поодаль какая-то женщина, наклонившись вперед и закрыв лицо платком, вздрагивала всем телом, стараясь подавить, душившее ее рыдание. Слышались вздохи, сморкания, некоторые крестились. Толпа стояла молча, слегка колышась, как поле с опущенными колосьями, по которому волнами пробегал ветер, предвестник наступающей грозы.

Никто из Думы не вышел, никто ничего не сказал. Я долго стояла, но ничего не дождавшись, отправилась домой.

По дороге встретила одну соученицу из моей школы. Я ее знала только по виду.

Радостно возбужденная, она подбежала ко мне.

- Вы слышали Керенского? - спросила она.

- Нет, не слышала, - ответила я, удивляясь ее энтузиазму.

- Жаль, вы непременно должны его услышать. Ах! Как он говорит, как говорит!...

Вдохновенно, артистически! Вот это человек, как раз то, что нам теперь нужно! Да и вообще он... Душка! - вдруг взвизгнула она. - Вы знаете, я принадлежу к семье, которая всегда была революционно настроенная, - добавила она, поясняя свое увлечение, - наконец-то мы дождались русской революции, великой, бескровной!!

Через несколько дней мы узнали подробности отречения Государя и плакали, тронутые его последними словами: "Да поможет Бог России!"

Образовалось Временное Правительство во главе с Керенским.

Несмотря на революцию, жизнь в Петрограде, казалось, шла своим прежним порядком, так как долго еще вертится маховое колесо, уже замирающего механизма. Почта, телеграф, железные дороги, трамваи, государственные учреждения - все действовало по прежнему.

По улицам разъезжали грузовики, набитые людьми в солдатских шинелях. Одни из них сидели на обрамляющих грузовик стенках, другие, с перекрещенными на груди пулеметными лентами, другие стояли впереди в геройских позах. Первый раз я их встретила, когда шла одна по довольно безлюдной улице. Мгновенный импульс был - броситься бежать, но сообразив, пулями он меня достанут, я продолжала идти навстречу. Когда, поравнявшись, я решила взглянуть на них, то с облегчением заметила, что на лицах этих героев революции было смущения не меньше моего. Они, видимо, стеснялись этого своего, ничем не заслуженного, геройского вида и колебались, не зная куда им ехать, что делать и как защищать "Великую, Бескровную".

На митингах ораторы говорили с большим пафосом, но все на одни и те же темы. Их лозунги повторяли, без всякой связи и смысла, выступавшие мало образованные представители рабочих; а крикливые большевистские ораторы вызывали своими крайними и абсолютно, как тогда казалось, неприемлемыми программами, если не возмущение, то раздражение.

Под покровом красных флагов со всех сторон города тянулись к Думе процессии всяческих организаций. На плакатах, которые они несли, были выражены их взгляды, нужды и желания. Даже процессия проституток продефилировала к Таврическому Дворцу, надеясь найти в новом революционном правительстве понимание и поддержку

в их горестях.

А между тем, все больше и больше распространяемая большевистская агитация делала свое. Немцы, пользуясь сетью своих агентов и не жалея огромных денег, поддерживали деятельность большевиков.

Проехав мост через Неву в грязном, заплеванном и засоренном лужою семечек трамвае, я с любопытством глянула направо. Уже несколько раз, проезжая мимо, я наблюдала на балконе Дворца Кшесинской, казавшуюся издали черной и маленькой, фигуркой человека. Он качался из стороны в сторону и дрыгал как паучок, руками. Первый раз, когда я его увидела, толпа перед ним была небольшая, но с каждым разом она увеличивалась, а теперь вся площадь, все кругом было сплошь залито массой людей.

- Что это за митинг там? - спросил кто-то в трамвае.

- А вы не знаете? - это Ленин говорит, - отозвался другой голос.

- Ленин, а кто он такой?

- Он большевик. Можно сказать их глава.

- Хм... Толпа-то какая... - протянул первый голос.

- Да, слушают. Он за сепаратный мир любой ценою, без аннексий и контрибуций, и призывает солдат на фронте брататься с немецкими. А здесь, чтобы шли они вместе с рабочими против правительства и начинали гражданскую войну, - объяснил второй голос.

- Такс... Заманчивые, можно сказать, перспективы... А зачем же это по его мнению нужно?

Чем закончился этот неожиданный митинг в трамвае, я не знаю, так как мне надо было уже выходить. Когда следующий раз я проезжала мимо, Ленина уже не было, он должен был бежать.

Временное Правительство опубликовало официальные документы, доказывавшие, что Ленин был в постоянном контакте с немецкими агентами и, что большевистская партия получала от них деньги.

Приблизительно в конце июля, я получила письмо от папы. Папа писал, что они возвращаются в Ромейки. Военные, стоявшие в нашем доме ушли и он освободился; что на Березовой гряде теперь ничем не лучше в смысле безопасности и питания чем в Ромейках. Всюду одинаковый хаос, беспорядки и недостаток продуктов. "В Ромейках же, хоть и разграбленных, все же и дом и земля и все свое: каждая яблонька, каждая травка. Неревичи и бывшие рабочие живут по прежнему там, и все необходимое имеют. Что касается близости фронта, писал дальше папа, то он почти не существует. Солдаты массами дезертируют, а те, кто остается, братаются с немцами и восстают против офицеров. Фронт разваливается и война фактически кончена. Хотя это все очень печально, но мы не дождемся времени, когда будем опять дома. Думаем что и тебе надо, как можно скорее возвращаться".

Известие, что мои возвращаются в Ромейки, была неожиданной радостью для меня. Я стала себе представлять, как они подъезжают к усадьбе, потом к крыльцу, входят в дом, разбегаются по комнатам... И мне страшно захотелось быть с ними. А тут, как нарочно, тетя и Нина уехали на две недели в деревню и просили меня присматривать за домом. Прошло уже и три недели, а они не возвращаются.

Между тем тревога в городе возрастала все больше и больше. Всех охватывало чувство подобное тому, какое бывает у постели дорогого, но неопасно больного когда, вдруг, неизвестно по каким причинам, температура его начинает быстро и высоко подниматься.

Тети и Нины все не было. Кухарка жаловалась, что если бы не ее старые и очень хорошие связи в лавках и на базаре, она ничего не могла бы достать, и, что если так будет продолжаться, то она должна будет уйти от нас.

Барышня, я боюсь як-то наши барыни вернутся, - сказала мне Настя - на вокзалах страсть што робится! Все кинулись утекать отсюда. Говорят, што до поезда трудно добраться. Народу битком набито. Очереди аж на улицах, невозможно билетов достать! Мне становилось не по себе, и я решила поехать на вокзал узнать. Действительно, с трудом нашла я конец длинной очереди и, как-то не отдавая себе отчета, присоединилась к ней. "Поеду не поеду, а билет, на всякий случай надо взять. Это ведь так далеко, на окраине России. Могут ли мне туда дать билет?", думала я стоя, до самой ночи, в очереди. В конце концов, билет я получила, но не на ближайшие дни. Когда пришел назначенный в билете день, я неожиданно для самой себя и не дождавись тети и Нины, выехала из Петрограда.

И в добрый час.

Не прошло много времени, как большевики захватили власть в свои руки, превратив на долгие года мечтательную "Великую, Бескровную" в непрерывный поток крови, горя и слез, неслыханной по своей жестокости во всей истории человечества.

[Глава 5](#)